

Кто виноват в смерти Теда?

Дюссельдорфский драматический театр, уже во второй раз гастролирующий в СССР, в прошлом году был объявлен «первым театром» ФРГ, Австрии и Швейцарии. Критики присудили ему это звание не только за художественное мастерство, но и за то внимание, которое театр уделяет современной немецкой драматургии.

Пьеса молодого немецкого драматурга Герта Хайденрайха (молодого — по стажу пребывания в драматургии) «Кто виноват?», показанная в этот раз ленинградцам, посвящена проблемам молодежи. Семнадцатилетний Тед убивает своего отца по причинам, которые стремятся выяснить как следователь, так и психолог. Для этого им необходимо восстановить не только обстоятельства убийства, но и всю атмосферу, в которой жил юноша.

Кто же он такой, этот мальчик с фигурой спортсмена, с синими глазами и темным ру-

мянцем на загорелых щеках? В его движениях нет угловатости, но нет и плавности, они лихорадочны, хаотичны. В его голосе звучит агрессия, а во всем облике — редкий для северянина темперамент. В исполнении Бита Кноля Тед живой и естественный, иногда ласковый, иногда грубый, но неизменно обаятельный.

Если попытаться найти одно слово, которым можно было бы определить и родителей Теда, и его одноклассника Брандеса, и учителя, и психолога с обер-инспектором, то, пожалуй, самым точным было бы слово марионетки. Неваж-

но чего, потому что, служа порядку и служа анархии (Брандес — «рокер» со всеми атрибутами этого стиля), все герои, за исключением Мегги, не живые, а мертвые. Ложь и фальшь, царящие в доме Теда, где отец и мать не любят друг друга, но страстно любят порядок, любят его, как домашнего бога, отвратительны Теду, сводят его с ума.

Юный и страстный, Тед не находит покоя даже со своей возлюбленной Мегги. Она, в отличие от других, живая, настоящая. Но она уже бессильна помочь Теду. Комфорт и конформизм, и бесконечное, изо дня в день повторяющееся ненасытное время — все это становится невыносимым. Тед сходит с ума.

Тед — не устаревший уже на Западе тип «сердитого» молодого человека. Тед — кли-

нический случай, с ужасающей скоростью превращающийся в социальный. Убивая отца в состоянии безумия, Тед зловеще-парадоксально и глубоко символично убивает себя в отце. Убивает себя как личность, ибо выдержать больше не может. Стилистика спектакля меняется.

На святящейся окружности арены (малая сцена в Дюссельдорфском театре построена по принципу амфитеатра, что придает сценам суда над героем оптическую убедительность), под двуствольным дулом прожектора появляются Тед и Отец. «Раздеться!» — звучит команда Отца. Послушный и безвольный, Тед снимает с себя майку и демократические джинсы — последние атрибуты индивидуальности. (Джинсы не пользуются успехом в буржуазной семье Теда, пото-

му что дешевка). Нагой, он кажется еще более беззащитным. На заднике сцены появляется изображение нациста, расстреливающего женщину. В руках Отца появляется винтовка. Он расстреливает сына, хладнокровно принося его в жертву «Орднунгу».

Тед мертв, и Тед жив. Над ним склоняется его Мать. Одевает в черный костюм, нежно причесывает волосы. Уходит. Тед остается наедине с залом. Он пытается улыбнуться. Он проверяет, послушны ли ему губы. После нескольких судорожных усилий на лице его застывает маска.

Продемонстрировав высокое мастерство, спектакль заставил задуматься о нелегкой судьбе части молодежи ФРГ, которая считает себя поколением «без будущего».

С. ШОЛОХОВ